

ЭРИНА ДАРК

ТИШИНА,
ЖАЖДУЩАЯ
ЗВОНА

18+

Эрина Дарк

Тишина, жаждущая звона

«Автор»

2026

Дарк Э.

Тишина, жаждущая звона / Э. Дарк — «Автор», 2026

Что, если проклятие — это не дар, а приговор, повторяющийся снова и снова? Он — страж на краю мира. Тишина, научившаяся слушать. Она — богиня, забывшая своё имя. Сущность, чьи жизни обрываются одна за другой. Он видел её смерть десятки раз. Вспышкой. Истощением. Тихим исчезновением. Каждый раз она пыталась стать мостом между мирами — и каждый раз этот мост рушился. А он оставался. Сто семнадцатая жизнь. И в этот раз звук был другим. «Хватит. Я так устала.» Иногда самое страшное — не потерять. А снова не успеть спасти.

© Дарк Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
Глава 1. Картограф теней	7
Глава 2. Струны глубины	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Эрина Дарк

Тишина, жаждущая звона

Введение

Первый раз.

Звук, чистый, как хрусталь, и глубокий, как разлом на самом дне. Треск ломающегося сосуда. Его Порог.

Он оторвался от скалы и рванул сквозь толщу, как само течение, ослеплённое тоской. Вынырнул в устье мутной человеческой реки, среди камня и шума. И нашёл. Только холодные осколки угасшей жизни. И тонкую, ускользающую дымку чего-то горького и прекрасного — последний след её души, испаряющийся, как вода на раскалённом камне.

Поздно. Она уже шагнула в иную тишину.

Опоздал. На целую жизнь.

Его каменное нутро сжалось, словно в нём на миг погасли все шторма. Он поклялся тогда, в той городской грязи, пахнувшей пеплом и чужими снами: в следующий раз, становлю.

Сто лет спустя.

На этот раз почувствовал раньше. Это был не треск — нарастающий, тихий гул, будто в самой реальности пошла трещина.

Пришёл к опушке. Воздух висел запахом дыма и... её боли. Острой, расчерченный рассыпающимся углем, как чертёж собственного конца.

Увидел издалека. Хрупкую тень у окна, перо в её руке выводило строки такой тьмы, что он узнавал в них отголоски бездны. Протянул к ней мысленный шуп, нежный, как касание водоросли.

И встретил пустоту. Выжженное, холодное безразличие. Она не ждала спасения. Она составляла карту своего ада, что была уже почти закончена.

Он метался, как прилив в тесной бухте. Показать? Нарушить всё? Но боялся, что её шаткая душа не выдержит самого его явления — рассыплется пеплом, не дойдя до края. Слишком хрупкое равновесие.

А в ту же ночь свет в хижине погас, гул оборвался. Осталось холодное, мёртвое молчание.

Она свела себя с карты. Снова. На его руках — лишь холодная кожа и призрачный шлейф хвои, смешанной с запахом чернил.

С губ сорвался звук, неведомый людям, — гортанный вой камня, перемалываемого океаном. Не успел.

В третий. В седьмой. В сороковой.

Он научился различать оттенки её гибели. Яркую, короткую вспышку, которую не успеть поймать. Или медленное истощение — капля, точащая камень десятилетиями. Он видел, как она пыталась быть мостом для людей. И как мост рушился под тяжестью, которую не создан держать без своего берега.

Начал предвосхищать. Становился пейзажем, старым дубом на окраине, тёмной заводью, холодным камнем в русле ручья. Ждал. Слушал. Надеялся уловить момент до шага.

Но всегда — барьер. То форму не подобрать. То падение было слишком тихим, изнутри, и он не мог найти точку входа в её сокрушённую вселенную. Либо просто не хотела, чтобы её находили от того что, усталость была сильнее любого зова.

Один раз принял форму путника, на лесной тропе, где она шла, уткнувшись в землю. Заговорил — о погоде, о ягодах. Она подняла глаза. В её взгляде промелькнуло древнее узна-

вание нечеловеческого. Не угрозы — подтверждения, что её мир ненастоящий, что в нём есть трещины, и оттуда смотрит что-то иное.

Он ощутил тогда вспышку — нежность, смешанную с надеждой. Удержался. Нельзя пугать, завтра, подумал он, завтра начну снова. Шаг за шагом.

А наутро её нашли в саду.

Это подтверждение стало последней каплей. Он сам. Его попытка. Он не спас — лишь ускорил.

Бессильная ярость, острая и солёная, бушевала в нём. Ветви деревьев вокруг закрипели, вода в колодце вздыбилась. Долгие годы более не смел принимать ничью форму.

Восемьдесят девятая.

Нашёл точку входа. Маленькую девочку с серо-зелёными глазами, которая разговаривала с рекой.

Стал для неё голосом реки. Шептал истории о глубине, о том, что под водой тоже есть свет. Она слушала и улыбалась, приносила странные палки и камни, а он дарил ей большие сосновые шишки, прибывая их волнами к берегу.

В его каменном сердце теплилась тихая, тёплая надежда. Моя. В этот раз берегу.

А годы спустя девочка вернулась, уже женщиной, с той же усталостью в глазах. Села на его берег и просто перестала дышать.

Падение было таким тихим, что он, будучи рекой, не почувствовал всплеска. Только медленное, необъяснимое остывание воды.

Он был её убежищем и не заметил, как она умерла внутри него.

Именно тогда в каменном сердце, в вечной тишине ядра, появилась трещина. Не физическая. Трещина отчаяния.

Он понял: быть берегом бесполезно, если река решила испариться. Быть скалой бессмысленно, если птица разбивается о тебя в собственном тихом полёте.

Отчаянный вой сотряс лес, деревья скрипели, листья взмыли вихрем. Случайные путники в ужасе бежали, слыша рёв «бесовской реки».

Ему было плевать. Он шёл, бережно прижимая к себе затихшее тело, вдыхая ускользящее эхо — крупницы хвои и печали, тающие в воздухе. С последней каплей у него не осталось ничего.

Океан вечный, безмолвный, он лишь бился о камень, стачивая скалы. Секунда за секундой, век за веком. Кэлэн ловил себя на мысли, что завидует, у волн не было надежды. А значит, не было и этой каменной тяжести — ждать, терять и снова ждать.

Его одиночество перестало быть состоянием. Оно стало сущностью. Он был одиноким стражем одинокого порога, обречённым наблюдать, как через этот порог проходит единственное, что имеет смысл, — и каждый раз не успевать захлопнуть дверь.

Сто семнадцатая жизнь.

Звук был иным. Прерывистый, хриплый шёпот самой реальности. «Всё. Хватит, я так устала».

Этот шёпот пришёл не с далекого материка. Она была здесь, около его скал, на его мысу, совсем рядом.

В тот раз он не пошёл. Он стал тенью от утёса, холодом в ночном воздухе, солёной пылью на её губах, когда она, босая и пустая, шла по самому краю.

Она сделала шаг — не в порыве, а с тихим, бесконечно усталым выдохом накопленной усталости.

Он был внизу. Чтобы поймать.

Впервые.

Не опоздал.

Глава 1. Картограф теней

Последний рёв мотора рейсового автобуса, разбрызгивающего грязную воду с асфальта, растворился в гуле дождя. Лея Дейн снова проехала свою остановку. Слишком погрузившись в свои мысли, не слыша музыки в наушниках под сумрачный, плывущий за стеклом пейзаж — бесконечную стену тёмно-зелёных елей под низким свинцовым небом. С обречённым вздохом она натянула капюшон чёрного плаща и вышла в морозящий дождь, идеально гармонировавшую с её настроением.

Дорога была пустынна. Воздух пах хвоей, сырой землёй и далёким, солёным дыханием океана. Она шла, уткнувшись взглядом в лужи, когда тень от исполинской пихты упала поперёк пути.

Вдруг — воздух сгустился.

Это был не просто запах леса. Это был сигнал, древний и беззвучный, ударивший в подкорку, туда, где дремала под слоями апатии её собственная, родовая сила. Она пошевелилась, как спящий зверь, учуявший запах... иного. Холодного. Застывшего алмазным механизмом вечной скорби.

Из-за поворота, аккуратно рассекая пелену дождя, показался серебристый внедорожник. Он двигался чуть медленнее, чем ожидалось на пустой дороге, до того момента, как водитель заметил её. Тогда машина плавно, почти незаметно, сместилась к обочине и остановилась у тротуара. Окно пассажирской двери опустилось с тихим, но отчётливым электронным жужжанием.

Строгие черты, коротко стриженные волосы с проседью, но глаза... Глаза цвета вулканического стекла — тёмными, непроницаемыми, и в них горел внутренний отсвет, как от далёкого холодного пламени.

Его лицо не выдавало ни единой эмоции, высеченное из того же камня, что и скалы мыса. Но в глубине глаз, мелькнула искра — не угрозы, а чистого, без примесей удивления. Всё его существо, веками настроенное на ритмы леса и моря, внезапно насторожилось, уловив диссонанс. Она была сюда не вписана. Она была лишней переменной в давно решённой задаче. Аномалией.

— Кажется, транспорт вас подвёл, — его голос был низким, бархатистым, без единой ноты обычной человеческой суеты. — Дождь усилится. Позвольте подвезти вас до Неа Бей. Одной в такую погоду здесь бывать... неразумно.

Он не улыбнулся. Предложение прозвучало спокойно, без угрозы, с долей изучения. Однако Лея ощутила едва уловимое давление в воздухе вокруг машины, лёгкое искажение реальности, будто пространство здесь было плотнее.

И вдруг — секундная вспышка, пронзившая слой её апатии, как ледяная игла.

Не смерть. Не нежить.

Мужчина на коленях. В его руках — девушка, но какая-то... невесомая. Бледное, почти прозрачное лицо, в обрамлении волос цвета тёмного мха. Её простое платье из грубой ткани казалось сплетённым из лесных теней и тумана. А в груди, под кожей, — вместо сердца — тускнел и трескался изумрудный осколок. Камень жизни. Звук треска — хруст ломающихся рёбер, но не её, а его. Это он ломается изнутри. Волна отчаяния, древней и солёной, как океанская пучина.

Нечто иное. Павшее. Могучее. Осторожно.

Её дар, молчавший годами, не прошептал — выдал из неё это знание. И в самой глубине, под грудной клеткой, где-то за желудком, отозвалась тупая, чужая боль. Отголосок той самой, вековой скорби, застывшей в алмазном механизме.

Лея с неожиданным для себя любопытством склонила голову набок. В уголке её губ дрогнула тень улыбки.

— Я была бы благодарна. Спасибо.

Она сделала шаг к машине, и в этом движении был намёк на забытую грацию, которую не смогли скрыть мешковатые линии плаща. Когда она наклонилась, чтобы сесть на пассажирское сиденье, из-под капюшона выбилась прядь волос цвета выгоревшего дерева, и она машинальным жестом сбила с неё жемчужинки влаги. Лицо её, мелькнувшее в тусклом свете дня, было бледным, с чёткими, словно немного усталыми чертами, но глаза... В этот миг казались невероятно живыми, цвета штормового моря — серо-зелёными, с проблеском того самого острого, аналитического интереса.

Дверь закрылась с тихим щелчком, окончательно отгородив её от морсящего неба.

Внутри пахло озоном после грозы, мхом и чем-то ещё — сухим, холодным запахом древнего камня и забытых фолиантов. Запахом остановившегося времени.

Машина тронулась с места, мужчина положил тонкие, сильные руки на руль.

— Меня зовут Карстен Вейл, практикующий врач в местной клинике, — представился, не отводя тёмных глаз от извилистой дороги. — Новых лиц в Неа Бей мало. Вы приехали недавно?

За века его голос стал идеальным инструментом. Вежливость — безупречна, интерес — сдержан, как у учёного, наблюдающего редкий природный феномен. Его присутствие было как тихая, но неоспоримая гравитация, искажающая поле вокруг себя. Лея чувствовала эту силу кожей.

Где-то в глубине, в том месте, где раньше жили страх или благоговение, должно было ёкнуть предупреждение. Ты в машине с чем-то древним и нечеловеческим. Беги. Но отклика не последовало. Там теперь была лишь ровная, усталая гладь. Она слишком устала, чтобы удивляться. Слишком выгорела, чтобы бояться. Да и какой в этом толк? Что бы ни случилось дальше — исход давно предreshён, он всегда один и тот же. Бесконечный цикл, знакомый до тошноты. Она отметила факт, как отмечала сырость за окном или шум мотора. В её личном аду уже не осталось места для удивления перед чужим.

За окном мелькали стены леса, уходящие в туманную высь.

— Надеюсь, наше пограничье не слишком угнетает вас своей... отрезанностью от мира, — продолжил он, бросив на неё быстрый, изучающий взгляд. — Многим требуется время, чтобы привыкнуть к тишине мыса. Чем вы занимаетесь, если не секрет?

Вопрос висел в воздухе, наполненном запахом скрытого любопытства и осторожностью. Это был не просто светский интерес.

Лея машинально перевела взгляд на зеркало заднего вида, ловя его профиль в отражении. И на миг — лишь на миг — вместо его строгих черт увидела иное. Статую. Женский лик, высеченный из тёмного, потрескавшегося камня. Глаза статуи, широко раскрытые, смотрели прямо на неё — и из них, замедленно, как смола, стекали густые чёрные слёзы. В них читалась бездонная, окаменевшая печаль. Лея тряхнула головой, отгоняя наваждение.

— Посёлок... особенный. Океан близко. Дожди не такие, как в городе, — сказала она, глядя в окно. — Там дождь — это грязь с небес. А здесь... он будто смывает всё лишнее. Хотелось бы, чтобы иногда шёл стеной. Чтобы смыл весь налёт, всю пыль веков разом.

Она повернулась к нему, и её взгляд стал внимательнее.

— Катаlea Дейн, можно Лея. Пишу книги. Переехала сюда месяц назад.

Глаза Карстена на мгновение сузились, поймав её слова. «Смыл весь налёт веков». Случайная метафора? Или острый, невольный скальпель, задевший самое существо? Его собственные века, наслоившиеся, как тончайшие пласты сланца, внезапно отозвались глухой тяжестью.

— «Стеной... смыть налёт веков», — повторил он, и в его ровном голосе впервые появилась трещинка — лёгкий, живой интерес. — Выразительно. Возможно, в этом и есть природа

этого места. Время здесь не бежит, оно сочится, как вода сквозь камень. Для писателя это может быть благом или испытанием.

Он притормозил, приближаясь к первым строениям Неа Бей — скромным, приземистым, будто вжавшимся в землю от ветров.

— Необычный выбор для творчества, мисс Дейн. Большинство ищут солнце, движение, общение. Что привело вас на край земли? Семейные обстоятельства? Или... может быть, наша тишина что-то пообещала вашим историям?

Его взгляд встретился с её в зеркале заднего вида. Ни угрозы, ни притворства. Только спокойное, пронизательное изучение. Вечный наблюдатель нащупывал контуры загадки. А в мире, где всё давно изучено, загадки были единственной валютой, имевшей ценность.

На миг перед глазами всплыло даже не воспоминание, а скорее ощущение: прохлада речного камня под ладонью, запах влажного песка и водорослей, тишина, настолько густая, что слышно, как сосновая шишка падает в воду. И волны — не морские, а речные, ленивые, — выносят к её ногам причудливые, отполированные водой коряги. Покой.

Картинка рассыпалась, сменившись резким, почти физическим ударом: визг тормозов, рёв неоновых вывесок, рваный свет фар в ночи, ледяные стены из стекла и бетона, давящие со всех сторон. Вечный шум людей, в котором тонуло одиночество, становясь только громче.

— Солнце, мегаполис... попытка заглушить пустоту чужими смыслами. Тоска, которая живёт между строк лент новостей, в пролистываемых сторис, — её голос стал ровнее, холоднее. — Суррогат жизни. Дешёвый дофамин взамен яркости души, он лишь подчёркивает отсутствие чего-то настоящего.

Карстен слушал, не двигаясь, но в его тёмных глазах вспыхнула искра — не сочувствия, а глубокого, выстраданного понимания. Его пальцы сильнее сжали руль, но не оставили и намёка на вмятину — лишь напряжение, передавшееся через кожу.

— Вы описываете не болезнь века, мисс Дейн, а его хронический симптом, — произнёс он тише, и врач в его голосе уступил место чему-то древнему и усталому. — Подлинность становится редким ископаемым. Здесь её... не маскируют, воздух пропитан терпением. Но терпение — палка о двух концах. Иногда оно позволяет рассмотреть суть вещей слишком отчётливо, а суть бывает безжалостна.

Он свернул на главную улицу, но не стал спрашивать адрес, давая разговору пространство.

— Вы пишете фантастику? — его голос сохранял прежнюю, бархатистую ровность, но в нём теперь звенели обертоны хирургической осторожности. Он отвёл взгляд от дороги, на миг полностью сфокусировав на ней свои тёмные глаза. — Или, быть может, ваши истории исследуют иную архитектуру?

Он сделал едва заметную паузу, будто взвешивая, стоит ли продолжать.

— То, что вы сказали... это не просто взгляд писателя. Это знание изнанки. Знание, которое редко приходит без личной цены. — Его вопрос повис в воздухе уже не как интерес коллеги, это был вопрос существа, которое само является частью тени — и потому с первого взгляда узнаёт в чужих словах не философию, а симптом. Симптом аномалии.

Лея улыбнулась, и в улыбке было что-то устало-ироничное.

— Забавно, не правда ли? Технологии позволяют за секунды связаться с кем угодно и за часы преодолеть тысячи километров. А одиночество становится только глубже. Тишина... она честная, у правды нет температуры или цвета, она просто есть. Но не все готовы на неё смотреть.

Она отстранилась от окна, встряхнув головой, будто сбрасывая тяжёлую мысль.

— Простите, меня иногда заносит. Я пишу городское фэнтези, исследующее архетипы. Или, скорее, интеллектуальную прозу. Если нельзя вознестись... можно хотя бы поднять ад, изучая его.

Воздух в машине застыл.

«Поднять ад, изучая его».

Это была не метафора. Это была философская позиция. Манифест. И Карстен Вейл, бывший Хранитель, проживший века в добровольном аду собственного падения и искупления, узнал в этих словах пугающе знакомые ноты.

Он припарковал машину у обочины, но его внимание было целиком приковано к Лее. Взгляд из-под полуприкрытых век стал острее, почти хищным, но пелена контроля мгновенно сгладила остроту.

— «Нельзя вознестись, то можно поднять ад, изучая его», — повторил он медленно, словно взвешивая каждое слово. — Поразительная формулировка. И очень... архаичная. Она перекликается с трудами алхимиков и теологов, пытавшихся понять природу тьмы не через её отрицание, а через картографию её законов.

Он откинулся на спинку кресла, и в его обычно безупречной осанке появилась едва заметная усталость того, кто наконец-то может говорить без масок.

— Значит, вы картограф теней, мисс Дейн. Смелое ремесло, но вы должны отдавать себе отчёт, — его голос стал тише, — что, изучая устройство ада, рискуешь принять его законы за универсальные. Или... обнаружить, что некоторые из его обитателей не так уж и отличаются. Просто у них иная... точка опоры.

Это был уже не разговор, а исследование границ, намёк, брошенный на воду, чтобы посмотреть на рябь. Он всматривался в неё, ловя малейшую реакцию. Чувствует ли она? Понимает ли, с кем говорит?

— Куда мне вас отвезти? — спросил наконец, возвращаясь к роли водителя. И, сделав почти незаметную паузу, добавил: — И если архитектура преисподней вас действительно интересует... в нашей библиотеке есть несколько уникальных манускриптов. Тексты, которые не найти в сети. Мой... коллега, Эхо, тоже ценит глубокомысленные тексты. Возможно, вам будет интересно.

Лея назвала адрес — старый уютный домик на окраине. Подъехав, машина замерла у тротуара. Уже собираясь выйти, она на миг задержалась, бросив слова скорее в пустоту.

— Принять законы ада... Иногда миру не нужен герой. Ему нужен монстр. Но страшнее всего... Тот, кто это осознаёт и ничего не чувствует.

Выйдя в накрапывающий дождь и уже закрывая дверь, на мгновение задержалась, будто вспомнив что-то.

— Спасибо, что подвезли. И передайте вашему коллеге... Эхо, кажется? — в её голосе прозвучала лёгкая, почти невесомая усмешка. — Поэтичное имя для человека, ценящего глубокие тексты. Было... познавательно.

И не дожидаясь ответа, развернувшись быстрым шагом направляясь к дому.

Карстен не ответил и смотрел ей вслед, его лицо — непроницаемая каменная маска, но в глазах бушевала внутренняя буря. Её последние слова — «страшнее всего... тот, кто, осознавая себя монстром, не чувствует ничего» — вошли в него, как лезвие, и вонзились прямо в сердцевину его древней вины, в самую суть его искупления.

Он сидел в машине долго после того, как дверь дома захлопнулась. Дождь усилился, забарабанил по крыше. Его пальцы сомкнулись на руле с силой, от которой металл тихо застонал. Он не позволил себе его смять. Дисциплина. Всегда дисциплина. Но напряжение висело в воздухе салона плотным туманом.

«Монстр». Беззвучно, одним движением губ, повторил он её слово. Целитель. Спаситель жизней. Ярлыки, навешанные веками искупления. Но глубже, в самой сердцевине, там, где хранилась память о Падении, что-то шевельнулось. Не раскаяние, не скорбь — нечто иное. И это нечто, услышав её слова, пришло в движение — медленное, тяжёлое, полное глухого, древнего любопытства.

Взгляд так и не оторвался от единственного освещённого окна в её доме, когда пальцы нащупали в кармане телефон. Набрали номер одним движением.

— Эхо, — его голос был тихим, но в нём звенела отточенная сталь. — Сегодня я встретил... аномалию. Писательницу. Лею Дейн. Её восприятие мира пронизывает насквозь. Будь осторожен, если столкнёшься. И посмотри всё, что можно найти. Обычными путями. И... теми, что не совсем обычны.

Он положил трубку. Машину не заводил.

Мысли были далеко от дороги, металась между полками воображаемой библиотеки — трактатами по запретной алхимии, манускриптами о существах, черпающих силу не из крови, самих вен жизни, тишины между мирами.

Возможно, на мыс пришла не просто новая жительница. Возможно, в пограничье Неа Бей просочилась новая сила. И Карстену Вейлу, с его грузом веков и инстинктом падшего стража, предстояло решить: была ли Лея Дейн угрозой, любопытным артефактом... или чем-то, что способно перечертить карту его собственного, выстроенного с таким трудом, искупления.

Он завёл двигатель, и машина бесшумно растворилась в сгущающихся сумерках, оставив после себя лишь один вопрос, повисший в солёном, влажном воздухе: кто в этой встрече был картографом, а кто — территорией?

А в своей гостиной Лея, возможно, стояла у окна, ощущая на коже остаточное эхо той самой холодной, гранитной силы, и задавалась ровно тем же вопросом.

Глава 2. Струны глубины

Неделю сп

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.